

Бурцева Елена Анатольевна, Батухтин Иван Юрьевич

К ПРОБЛЕМЕ СВОЕОБРАЗИЯ ГЕРОЯ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье затрагиваются актуальные проблемы становления сетевой литературы и актуализируется самая малоизученная из них - проблема характеристики героя. Впервые данная проблема рассматривается в разрезе сравнительно-сопоставительного анализа героев эпохи сетевой литературы и литературы соцреализма, с указанием явных параллелей и выделением своеобразия героя литературы интернет-пространства. Проведенный анализ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что герой сетевой литературы отражает как современное культурно-историческое время, так и закономерные эволюционные процессы литературы в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 30-33. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8

В статье затрагиваются актуальные проблемы становления сетевой литературы и актуализируется самая малоизученная из них – проблема характеристики героя. Впервые данная проблема рассматривается в разрезе сравнительно-сопоставительного анализа героев эпохи сетевой литературы и литературы соцреализма, с указанием явных параллелей и выделением своеобразия героя литературы интернет-пространства. Проведенный анализ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что герой сетевой литературы отражает как современное культурно-историческое время, так и закономерные эволюционные процессы литературы в целом.

Ключевые слова и фразы: литературный герой; автор; читатель; сетевая литература; текст; теория сетевой литературы; ориджинал; А. Алексин; оридж Мотохара.

Бурцева Елена Анатольевна, к. филол. н., доцент

Батухтин Иван Юрьевич

Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске

elena-burceva@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ СВОЕОБРАЗИЯ ГЕРОЯ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

За последние десятилетия русская литература пережила множество стремительных изменений, но, вполне возможно, самое интересное из них связано с переходом большой книжно-бумажной литературы, берущей свое начало еще в пушкинской эпохе, в новую сферу обитания – Интернет. Так называемая сетевая литература довольно быстро освоила новые жанры массовой литературы конца XX века, такие как фэнтези, триллеры, боевики. Обогадив теоретическое литературоведение новым терминологическим рядом, она создала и новую, альтернативно-сетевую жанровую систему (ориджинал – оригинальное литературное произведение сетевого автора; фанфикшн – литературное произведение сетевого автора, в основе которого лежит фантворчество; макси, миди, драбл, мини и т.д.).

Научных исследований сетевой литературы крайне мало, так как теория сетевой литературы находится на этапе становления, хотя в учебных словарях-справочниках уже встречаются посвященные ей главы [10, с. 152-153]. В последнее десятилетие появилось несколько интересных работ, связанных с изучением литературных процессов, происходящих в сети Интернет. Так, например, А. Караковский, будучи шеф-редактором интернет-журнала, провел опрос среди литераторов разных регионов России с целью выяснения, существует ли проблема сетевой литературы. Сделанные им на основании этого опроса выводы свидетельствуют о том, что не все готовы признать наличие сетевой литературы как таковой, предпочитая считать ее графоманским творчеством, которое, в свою очередь, не заслуживает внимания и серьезного изучения [4]. Еще в 1999 г. в «Журнальном зале» Д. Кузьмин опубликовал статью «Краткий катехизис русского литературного Интернета», которая не оставляет сомнений в том, что литература в сетевом пространстве существует и плодотворно развивается [6]. В свою очередь, прозаик и литературный критик О. Славникова высказывала опасение, связанное с тем, что благодаря сетевой литературе вся литература может стать любительской, потому что на смену профессионалам придут графоманы [7]. Таким образом, становится ясно, что проблемы существования литературных текстов в сети разнообразны и многочисленны. Об этом свидетельствует, например, и статья О. Чернолицкой «Энтропия.NET (Публицистика в сети)», в которой автор из области литературной уходит в область общественно-политической дискуссии [9].

Несмотря на некоторую скудость исследований, все же уже сейчас можно сделать ряд выводов, в том числе и о том, что в становлении сетевой литературы существенную роль сыграл не только научно-технический прогресс, но и чисто литературные и теоретико-литературные явления, связанные, например, с деятельностью представителей формального литературоведения. Именно формалисты первыми предложили изучать не художественное произведение, а текст как текст. С их подачи текст стал восприниматься как система знаков, которая нуждалась не столько в исследовании, сколько в дешифровании, в котором реципиент заиграл более заметную роль. Включение реципиента в процесс создания текста произошло сразу же вслед за прохождением разных этапов сетевого общения, и это привело, на наш взгляд, к уникальной ситуации, когда читатель стал сотворцом автора.

Литература на разных этапах своего развития была теснейшим образом связана с героями/образами. Если согласиться с тем, что современная литература переживает период деформации/перерождения в сетевую литературу, то становится актуальным вопрос о том, что происходит с ее героем, как он меняется и меняется ли? А если за точку отсчета брать советскую литературу как более близкую по временным рамкам, в которой герой так или иначе, но был отражением определенной исторической, социальной, политической, идеологической эпохи, то возникает вопрос и о том, насколько близок или далек герой новой литературы к действительности, отражает ли он ее и можно ли говорить о преемственности, архетипичности героев и литератур? Актуализируется вопрос и о том, является ли герой сетевой литературы только продуктом технологического прогресса или же – нового художественного мышления.

Поиск ответа на эти вопросы целесообразнее начинать с анализа соотношения автора-читателя-героя.

Автор понимается как субъект сознания, выраженного в тексте художественного произведения. В литературоведении принято выделять биографического автора, который, как правило, не выражен в тексте, но «автор неизменно выражает (конечно же, языком художественных образов, а не прямым умозаключением)

свое отношение к позиции, установкам, ценностной ориентации своего персонажа» [8, с. 169]. Субъект сознания в тексте, в процессе его создания, превращается в объект сознания, что еще более удаляет его от биографического автора, превращая в героя. Но повествователь в тексте может быть близок к автору как субъекту сознания, когда как рассказчик, как творец новой художественной реальности – далек [5, с. 316]. В условиях сетевой литературы биографический автор выступает в роли не просто создателя иной, художественной реальности, но и, за счет сетевого общения/обсуждения, активно выражает авторскую позицию, давая оценку и выплескивая эмоции, тем самым становясь ближе к своему герою.

Традиционным теоретическим литературоведением читатель понимается как адресат литературного произведения. На его восприятие, понимание, оценку автор рассчитывает, но обратной связи с читателем автор большой книжной литературы, как правило, не имеет. Сетевой же читатель не только сразу же реагирует на выложенный текст (молчание, то есть отсутствие комментариев у выложенного текста, – это тоже достаточно «говорящая» реакция в сетевой игре), но и становится соавтором текста. Творчество принимает характер сотворчества, так как автор ориентируется на интерес, мнение, реакцию своего читателя/подписчика, потому что текст часто выкладывается не целиком, а главами/частями, что называется «в процессе». Автор вынужден бывает реагировать на мгновенную и зачастую эмоциональную реакцию своих реципиентов, так или иначе, но попадая под их мнение/влияние.

Что же касается литературного героя, то тут необходимо помнить о том, что каждая литературная эпоха задает «моду» на своего особенного героя, создавая его по своей собственной формуле, так как он выступает носителем идей определенного исторического времени. На это указывала Л. Я. Гинзбург: «Как всякое эстетическое явление, человек, изображенный в литературе, не абстракция... Но единство... способное представлять идею» [3, с. 5]. И как носитель/выразитель этих идей, герой становится неким мостиком, связывающим мир художественного пространства, созданного автором, с пространством читательского интереса. Герой становится главным средством реализации авторского замысла и в то же время главным средством, с помощью которого автор доносит этот замысел до своего читателя. Благодаря многозначности интерпретаций, связанных с историческими, идеологическими и даже нравственно-этическими изменениями, происходящими в обществе, оценка героев может меняться. Так, положительный герой одной литературной эпохи, как представитель своего исторического времени, может превратиться в отрицательного – в другой. Историко-литературная эволюция ведет к тому, что меняются формулы-шаблоны, по которым создаются литературные герои. Например, в эпоху соцреализма основной чертой положительного героя была его верно выдержанная идеологическая ориентация, под которой понимались жизненные устои героя. Не случайно М. М. Бахтин писал: «Жить – значит занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаться» [2, с. 163]. Например, герой литературы эпохи постмодернизма не только не несет в себе набора нравственных констант, но, более того, превратился в героя-маргинала. Сетература идет дальше: ее почти не интересуют социальные, общественные, философские проблемы, которые были основными у русских писателей всех историко-литературных времен. Внимание сетевых авторов, как и их читателей, привлечено в большей степени к физиологическим и индивидуалистическим запросам личности. Анализ такого героя позволяет дать оценку как современным литературным процессам вообще, так и сетературе в частности.

Для сравнительно-сопоставительного анализа литературных героев двух литературных эпох – эпохи соцреализма и сетературы – нами взяты два текста: повесть классика детской литературы А. Алексина «А тем временем где-то...» (1966) и оридж *Motohara* «Презумпция невиновности» (2009).

В основу анализа легли некоторые параллели: во-первых, объем (упрощенно под повестью понимают средний эпический жанр, которому в сетевой литературе может соответствовать миди-ориджинал, т.е. оригинальный авторский текст небольшого объема, в основе сюжета которого лежит событие из жизни ограниченного круга героев); во-вторых, герои произведений – подростки, которые самостоятельно вынуждены решать сложные жизненные проблемы. Кроме некоторой фабульно-схематической параллели сюжетов, обращает на себя внимание и то, что и у героя Алексина, и у героя *Motohara* лучший друг носит имя Антон, хотя это не единственная переключка в именах второстепенных героев.

Гораздо больше в этих повестях различий. Герой Алексина – Сергей Емельянов, неожиданно столкнувшийся с возникшей в жизни его семьи проблемой, как истинный герой соцреализма, выходит из непростой ситуации победителем, может быть и потому, что он борется не просто за свое личное счастье, но и, прежде всего, за счастье своей семьи. Сетературный герой *Motohara* – Данил (Дэн), не найдя в себе силы противостоять беде, окажется почти сломленным, опустившимся до образа жизни психически неполноценного человека.

В отличие от героя соцреализма, которого характеризует вера в высокие идеалы и следование этим идеалам, герой сетевой литературы характеризуется откровенным цинизмом. Именно таков Дэн, который сознательно шокирует окружающих своим откровенным цинизмом по отношению ко всем и ко всему. Его уход в субкультуру панков – своего рода альтернатива смерти, потому что жить, как живут обыкновенные люди, он не хочет, покончить жизнь самоубийством не может, и тогда, вынужденный все же что-то сделать со своей жизнью, как-то ее изменить, он решает сознательно ее искалечить, сойдя с ума в той мере, в какой на это способен все же психически полноценный человек. В свои восемнадцать он спланировал дальнейший жизненный путь таким образом, чтобы к тридцати годом спиться. Бросив школу сразу же после окончания восьмого класса, Дэн намеренно встал в позу «неграмотного», хотя в разговоре легко оперирует библейскими и античными цитатами и образами, невольно обнажая свой высокий интеллектуальный уровень. До восьмого класса он учился вполне успешно, но драма, произошедшая с ним, сломала героя, заставив его уйти от самого себя прежнего. У него случилась несчастная любовь и предательство. Хотя, наверное, сначала предательство и лишь потом несчастная

любовь, ведь не случайно, заговорив о том, что же с ним случилось, герой сначала рассказывает о своей семье и лишь потом о любви. Получается, что там, в семье, и скрыта причина всех его злоключений.

Семья героя повести А. Алексина Сергея образцово-идеальная, хотя своих близких герой любит не за их идеальность, а, как всякий ребенок, просто за то, что они есть. С семьей Дэна все гораздо сложнее, потому что даже если его близкие и испытывают чувства по отношению друг к другу, то это остается невыраженным. Более того, в юном возрасте Дэн становится свидетелем предательства своего отца, который бросил семью ради другой женщины. Дэн не стал показательно рефлексировать по этому поводу или как-то оценивать поступок отца, но и не подумать о том, что отец забыл об ответственности за тех, кого «приручил», он не мог. Никому не будет дела до переживаний ребенка, до того, что он ощущает и как себя чувствует в тот момент, когда семья, а значит, и привычный, казавшийся стабильным мир разрушится у него на глазах. Дэн даже станет участвовать в лицемерной попытке взрослых сохранить видимость семьи, приходя на «семейные обеды» в новый дом отца. В этом фарсе он будет участвовать ровно до того момента, когда шестилетняя дочь отца спросит свою мать: «Мама, а почему Данила у нас ест? Он же нам никто, пусть дома ест. Или у него кушать нечего?». И будет ждать ответа, как приговора, и когда услышит: «А тебе жалко? Покушает и домой пойдет», для него словно рухнут последние семейные основы. «Я ушёл, даже не попрощавшись. Больше к отцу в гости не ходил. ...сразу после этого стал плохим сыном, заносчивым сопляком и прочее-прочее... и мать с того момента стала относиться ко мне хуже... Он что-то кричала про безответственность и испорченный характер. Мой?» [11]. После пережитого крушения семьи любовь, которую пережил Дэн, не была для него чем-то чувственным и тем более извращенным. Это была тяга одинокого человека к теплу и пониманию. Уставший от одиночества и равнодушия окружающих, он всеми силами души привязался к тому, кто, как казалось, всегда готов поддержать, понять и даже защитить. Дэну больше всего на свете не хватало понимающего друга, и он его нашел в таком же, как и сам, «ботане и зануде» Антоне, ставшем для подростка тем самым близким, необходимым человеком, какими не стали для него ни отец, ни мать, ни старший брат. Взаимный интерес Дэн не оценил как чувственный, понимая, что ничего подобного ему не нужно, но, пережив сильнейшее потрясение и вину за поранившуюся девочку, которую он случайно толкнул, Дэн понял, что влюбился, когда Антон сказал, что в беде его не оставит. Он влюбился даже не столько в одноклассника, сколько очень по-толстовски (как тут не вспомнить чувства Левина к Кити): «Влюбился в нас. Да, в то, чем мы были тогда, в тот день» [Там же]. Он влюбился в чувство сопричастности, душевного единения, соучастия. Вспыхнувшее чувство Дэн берег как самую большую и единственную ценность своей жизни. Герой смог смириться с предательством отца, холодностью матери. Но подлость единственного друга спокойно пережить он не смог, потому что этот друг был то единственное, что у него еще оставалось, и его предательство стало последней каплей в чаше его терпеливого смирения перед ударами судьбы.

Сергей, герой Алексина, живет в полной, гармоничной семье и чувствует себя абсолютно счастливым: «Я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете! <...> На душе у меня было легко и беспечно... И какие бы ни случались неприятности, я быстро успокаивался – любая неприятность казалась ерундой в сравнении с главным: у меня лучшие в мире родители!» [1, с. 72]. Но Сергей не только любит своих родителей, он ими восхищается, может быть, еще и потому, что ощущает себя не «идеально-образцовым», как они, а немного «неправильным», потому что пишет с ошибками, ленится делать уроки, то есть ведет себя как всякий мальчишка его возраста. Когда Сергей сталкивается с «той единственной бедой», он чувствует, что не может поделиться ею ни со своими родителями, ни с бабушкой, ни даже с лучшим другом, потому что «никому не мог я сознаться в том, что отец (мой отец!) был и будет для какой-то неведомой мне женщины самым близким человеком на свете» [Там же, с. 77]. Будучи почти ребенком, Сергей выбирает сложный путь взрослого человека – самостоятельно решить проблему, которая может разрушить его счастливую семью. И это решение – поделиться с этой чужой для него женщиной своим участием, не оставить ее в тоске одиночества, стать для нее той опорой, которой не захотел или не сумел стать его отец.

Дэну придется прожить мучительных три года, прежде чем он окажется в состоянии сначала услышать психолога, а потом и отпустить прошлое, начав новую жизнь. Но даже через три года все еще не заканчивается история героя Алексина, потому что Сергей, кажется, навсегда взял на себя ответственность за жизнь женщины, которую бросил когда-то его отец. Оберегая счастье своей матери, он готов спасти ее от одиночества.

Главный герой сетевой литературы существует в почти том же жизненном пространстве (школа – учеба – семья – друзья), что и предшествующий ему герой литературы соцреализма. Вот только изменилось это жизненное пространство почти до неузнаваемости, потому что изменилась эпоха, изменилось время, но главное – изменилась шкала ценностей, по которой живут теперь люди. Следствием этих изменений стало то, что трансформировался и литературный герой. Маргинал постмодернизма, сменивший положительного героя соцреализма, нашел свое продолжение в герое сетевой литературы. И одной из основных его характеристик можно назвать сожаление об утрате окружающим миром нравственно-этических констант бытия, носителем которых часто и являлся герой соцреализма. Сетература, становясь яркой приметой современной литературы, становится и яркой приметой нового исторического времени, потому что, как и всякая литература, творя свою собственную художественную реальность, тем самым отражает культурно-историческую эпоху в целом.

Список источников

1. Алексин А. Г. Избранное: в 2-х т. М.: Молодая гвардия, 1989. Т. 2. 524 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 445 с.
3. Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 223 с.

4. **Караковский А.** Литература в Интернете: убежище нового поколения русской интеллигенции [Электронный ресурс] // Сибирские огни. Декабрь 2006. № 12. URL: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/literatura-v-internete-ubezhishche-novogo-pokoleniya-russkoj-intelligencii> (дата обращения: 22.06.2017).
5. **Корман Б. О.** Теория литературы. Избранные труды. Ижевск: АНО «Институт компьютерных исследований», 2006. 550 с.
6. **Кузмин Д.** Краткий катехизис русского литературного Интернета [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/10/kuzmin.html> (дата обращения: 23.06.2017).
7. **Славникова О.** Спецэффекты в жизни и литературе [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/1/slavn.html (дата обращения: 05.05.2017).
8. **Хализев В. Е.** Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.
9. **Черноричская О.** Энтропия.NET (Публицистика в сети) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/1/ch1.html> (дата обращения: 03.06.2017).
10. **Черняк В. Д., Черняк М. А.** Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: Флинта, 2015. 192 с.
11. **Motoharu.** Презумпция невиновности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/author/motoharu/prezumpciya-nevinovnosti-si-download-free-353297.html> (дата обращения: 01.06.2017).

ON THE ISSUE OF THE SINGULARITY OF THE NETWORK LITERATURE CHARACTER

Burtseva Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Batukhtin Ivan Yur'evich

Bashkir State University (Branch) in Birsik

elena-burceva@mail.ru

The article touches upon the actual problems of the formation of network literature and actualizes the least studied of them – the problem of character's description. For the first time this problem is considered in the context of comparative analysis of the characters from the era of network literature and socialist realism literature, indicating explicit parallels and highlighting the unique character of the Internet space literature. The analysis allows putting forward a hypothesis that the character of the netliterature represents both modern cultural and historical time and the logical evolutionary processes of literature as a whole.

Key words and phrases: literary character; author; reader; netliterature; text; theory of netliterature; original; A. Aleksin; orig Motohara.

УДК 821.161.1

В статье речь идет о преемственности между Л. Н. Толстым и М. А. Шолоховым, которая исследуется литературной критикой 1930-х годов. Ставится вопрос о степени творческого заимствования М. А. Шолоховым у Л. Н. Толстого элементов сюжета, способа изображения психологического портрета героев. Литературная критика 1930-х годов обращает внимание на то, что отдельные художественные приемы Л. Н. Толстого творчески перерабатываются М. А. Шолоховым, в результате чего возникает уникальное по художественной мощи произведение – «Тихий Дон».

Ключевые слова и фразы: «Тихий Дон»; М. А. Шолохов; Л. Н. Толстой; преемственность; литературная критика 1930-х годов.

Вишнякова Екатерина Андреевна

Институт мировой литературы имени А. М. Горького, г. Москва

ekaterinav91@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА 1930-Х ГОДОВ О ТРАДИЦИИ Л. Н. ТОЛСТОГО В «ТИХОМ ДОНЕ» МИХАИЛА ШОЛОХОВА

В отечественном литературоведении существует всего лишь несколько работ, авторы которых затрагивают хотя бы в общем плане проблему отражения преемственных связей М. Шолохова и Л. Толстого в литературной критике предвоенного десятилетия. Большинство из них считают бесспорной актуальность этой темы для рецензентов «Тихого Дона» в 1920-1930-е годы. Так, например, П. В. Бекедин писал о том, что «после выхода в свет первых томов эпопеи «Тихого Дона» соотношение, сравнение творчества молодого советского писателя с творчеством «Войны и мира» сделалось привычным, постоянным и традиционным. Без этого не мог обойтись, в сущности, ни один критик, рассматривавший «красную Илиаду»» [1, с. 148]. Между тем некоторые исследователи считали, что в предвоенное десятилетие, по крайней мере, часть критиков категорически возражала против того, что Шолохов в «Тихом Доне» наследует художественный опыт Л. Толстого. Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал Л. Ф. Ершов, утверждавший, что «мысль о том, что между Шолоховым и Львом Толстым есть органичное родство, вызвала в 20-е и 30-е годы яростные протесты определенной части критики» [8, с. 198]. Следует отметить, что эти полярно противоположные взгляды ни в коей мере не аргументировались, не подкреплялись хотя бы единичными примерами. Таким образом, вопрос о реакции литературной